

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИЕМЫ АДАПТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «ВРАГИ») *

Красикова Е. В. **

Брыгина А. В.***

Аннотация

Статья посвящена одной из важных проблем методики преподавания РКИ – проблеме адаптации художественного текста. Авторы выделяют два последовательных процесса адаптации – трансформацию текста оригинала и комментирование трансформированного текста. Выделяется четыре приема трансформации и три вида комментария. Предлагаемая методика адаптации художественного текста показана на примере рассказа А. П. Чехова «Враги».

Ключевые слова: трансформация, комментирование, художественный текст, Чехов, «Враги».

---

* 本文 2010 年 4 月 27 日到稿，2010 年 6 月 14 日審查通過。

** Доцент факультета славянских языков Государственного университета Чжэнчи.

*** Преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Directions and Methods of Adapting A Literary Text (with Adaptation the Story of Anton Chekhov *Enemies*) *

Krasikova E. V. **

Brigina A. V. ***

Abstract

The article is devoted to one of the important problems of teaching Russian as foreign language – the problem of adaptation of the literary text. Authors allocate two consecutive processes of adaptation – transformation of the original text and commenting of the transformed text. It is allocated four devices of transformation and three types of the comment. The offered technique is shown at adaptation of the story *Enemies* by A. P. Chekhov.

Keywords: transformation, commenting, literary text, Chekhov, *Enemies*.

---

* Received: April 27, 2010; Accepted: June 14, 2010.

** Associate professor, Department of Slavic Languages and Literatures National Chengchi University.

*** Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University.

Сфера функционирования адаптированных текстов чрезвычайно широка: издание адаптированных вариантов текстов оригинала для малоподготовленной читательской аудитории; экранизации и сценические версии литературных произведений; обучение иностранным языкам. Соответственно адресатами адаптированных текстов могут быть как различные возрастные группы носителей языка текста оригинала, так и иностранцы.

Наиболее широкое распространение получила адаптация текстов, предназначенных для чтения. Адаптации могут подвергаться тексты практически любого стиля и жанра: новостные, публицистические, научно-популярные, учебные и научные тексты по специальности, художественные произведения.

Под *адаптацией* (от латинского *adaptatio* < *adaptare* – «приспособлять») текста, предназначенного для чтения, понимается его трансформация и комментирование (при необходимости) с целью приспособить текст для восприятия читателем, не способным в силу ряда причин понять содержание оригинала.

Как следует из определения, адаптация включает два последовательных направления работы:

- 1) основное – *трансформация*, исходной точкой которой является текст оригинала, а конечной – текст-трансформ, в разной степени отличающийся от оригинала;
- 2) факультативное – *комментирование* текста-трансформа.

Трансформация.

Мы выделяем четыре операции по трансформации текста оригинала:¹

---

¹ А. А. Вейзе выделяет шесть операций, однако, «цитация», с нашей точки зрения, не является трансформацией текста оригинала, а «сгущение или сжатие того, что в подлиннике детализировано»,

- уменьшение объема исходного текста;
- увеличение объема фрагмента исходного текста;
- замещение оригинальной текстовой единицы другой, сходной по смыслу;
- изменение местоположения исходной текстовой единицы.

Все четыре операции могут носить как нелингвистический, не затрагивающей плана выражения, так и лингвистический, связанный с языковой трансформацией, характер.

Исходный (текст оригинала) и производный (текст-трансформ) тексты могут различаться по объему, информационной насыщенности, структуре и языковому оформлению. Степень и характер различий зависит от целей, задач и особенностей аудитории.

В соответствии с четырьмя формально-логическими операциями по трансформации текста выделяются четыре приема:

1. исключение
2. добавление
3. замена
4. перестановка.

Исключение – это прием трансформации путем изъятия текстовых компонентов, утрата которых не искажает смысловой доминанты оригинала. Так, из текста оригинала могут исключаться не несущие значительной смысловой нагрузки описания природы, интерьера, внешности человека; эпизоды, связанные с второстепенными персонажами; побочные сюжетные линии; лирические отступления, если их понимание сопряжено со значительными языковыми трудностями. Возможно исключение фрагментов, несущих значительную

можно рассматривать как разновидность «исключения материала». (см.: Вейзе А. А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. - М.: Высшая школа, 1985, с.52).

смысловую нагрузку, если они не соответствуют языковой и читательской компетенции, и поэтому затрудняют восприятие текста; в таком случае часть исключенной информации может переноситься в комментарий. Недопустимо исключать смыслообразующие текстовые доминанты.

Исключения выполняют следующие функции: сокращение объема произведения; упрощение смысловой и языковой структуры текста; формирование четкой и динамичной сюжетной линии; устранение лексических и грамматических трудностей.

Добавление - трансформирует текст путем включения в состав производного варианта новых текстовых компонентов.² Этот прием выполняет следующие функции: экспликация смыслообразующих фрагментов текста, представленных в оригинальном произведении имплицитно; пояснение, конкретизация и уточнение информации, вызывающей трудности понятийного характера у реципиента.

Замена. Необходимость замены может быть вызвана, языковыми и экстралингвистическими трудностями, с которыми сталкивается реципиент. Сложные грамматические конструкции заменяются на более простые; стилистически окрашенные лексические единицы – на стилистически нейтральные; специфические страноведческие понятия замещаются словами из нейтрального массива лексики. Прием замены выполняет следующие функции: устранение трудностей страноведческого характера; снятие лексических и грамматических трудностей. Однако следует заметить, что функцию замены во многих случаях может выполнять комментарий, что предпочтительней, поскольку не травмирует текст оригинала.

При **перестановке** изменяется порядок следования текстовых единиц, что

---

² Прием *добавления* является наиболее грубым вмешательством в авторский текст, и поэтому, как нам кажется, должен использоваться с осторожностью, в случае крайней необходимости.

позволяет упростить структуру фрагмента или всего текста.

Набор и масштабы применения приемов трансформации зависят от содержания, структуры, стиля и жанра текста оригинала. При адаптации художественных текстов приемы добавления, замены и перестановки используются на уровне предложения и фразового единства (абзаца). Прием исключения является доминирующим и применяется на всех уровнях трансформации.

По степени редукции текста можно выделить три основных типа художественных текстов-трансформов:

1. Текст-фрагмент - глава или эпизод оригинала. Такой текст информативно не достаточен, художественная структура оригинала практически не сохраняется, поэтому он требует пространного комментария.
2. Текст-монтаж – последовательное, соответствующее авторской композиции объединение ключевых эпизодов. Такой текст, в меньшей степени, чем текст-фрагмент, информативно не достаточен, художественная структура оригинала сохраняется частично. Он также требует значительного по объему комментария, и, кроме того, связей, восполняющих смысловые пробелы между фрагментами.
3. Текст-вариант – измененный, но близкий к оригиналу текст.

Тексты-фрагменты и тексты-монтажи являются результатом трансформации драматургических и эпических произведений крупных и средних жанров (роман, повесть). Текст-вариант – результат трансформации рассказов; этот тип текста преобладает в учебной аудитории.

Комментирование.

Второе направление адаптации текста – комментирование. Как уже говорилось выше, оно является факультативным, его необходимость зависит от степени трансформации текста. Так, новостные, учебные тексты могут подвергаться значительной трансформации, которая полностью исчерпывает задачу приспособления текста к уровню владения языком учащихся. Напротив, при работе с художественными текстами необходимо как можно бережнее относиться к оригиналу, трансформацию желательно сводить до минимума. Кроме того, особенностью художественных текстов является наличие значительного массива имплицитных смыслов, что также диктует необходимость комментария.

По местоположению мы выделяем два вида комментария: *предтекстовый* и *притекстовый*. По содержанию – три вида: страноведческий, литературоведческий, лингвистический. Обычно *страноведческий* и *литературоведческий* комментарии являются предтекстовыми, реже – притекстовыми, а *лингвистический* – притекстовым.

Наиболее распространенным приемом комментирования является притекстовый *лингвистический* комментарий, который заключается в перефразировании либо толковании цитаты из оригинала в сносках. Лингвистический притекстовый комментарий предназначен для снятия трудностей при восприятии текстовых единиц, исключение которых невозможно или нежелательно. Этот комментарий особенно важен при адаптации литературных произведений, поскольку успешно выполняет функцию таких приемов трансформации текста, как замена и добавление, которые рассматриваются нами как нежелательное вмешательство в художественную ткань произведения. Однако нельзя допускать, чтобы текст был перегружен лингвистическими комментариями, поскольку это замедляет чтение и,

следовательно, ослабляет мотивацию. И еще одно, существенное, с нашей точки зрения, замечание: комментарий текстовой единицы должен быть строго привязан к контексту, из которого он вычленен.

Некоторые тексты требуют пространного предтекстового *страноведческого* комментария, т.е. пояснения смыслообразующих для данного текста понятий, содержание которых недоступно большинству современных носителей языка, тем более иностранцам. Страноведческий комментарий призван прояснить историко-культурные реалии, заведомо неизвестные читателю, но играющие важную роль в адекватном восприятии произведения.

При адаптации художественного текста требуется предтекстовый *литературоведческий* комментарий, помогающий читателю ориентироваться в иерархии смыслов при чтении произведения литературы. Литературоведческий комментарий направлен на то, чтобы привлечь внимание читателя к наиболее важным аспектам произведения, это своего рода установка на чтение. Кроме того, литературоведческий комментарий позволяет восполнить некоторые пробелы, связанные с трансформацией текста путем исключения фрагментов.

В каждом отдельном случае все виды комментариев сугубо индивидуальны, их конкретное наполнение не может прогнозироваться и зависит исключительно от особенностей содержания и художественной структуры адаптируемого произведения.

Процессу адаптации должен предшествовать предварительный этап, который включает: 1. определение уровня языковой и читательской компетенции адресатов и 2. литературоведческий анализ произведения, цель которого – выявить смысловые доминанты текста. В настоящей работе процесс адаптации художественного текста показан на примере рассказа Чехова «Враги».

Адаптированный текст ориентирован на студентов, языковая компетенция которых соответствует второму сертификационному уровню Государственного стандарта. Читательская компетенция студентов, т.е. умение постигать глубинные смыслы произведения, в большинстве случаев является недостаточной, что, безусловно, влияет на степень и характер трансформации текста, а также на объем и содержание комментариев.

Композиция рассказа «Враги» (1887) двухчастна. Первая часть (действие происходит в квартире доктора Кирилова) в структуре рассказа выполняет функцию экспозиции. Основная коллизия содержится во второй части (действие происходит в имении Абогина). В первой части акцент сделан на психологическом состоянии героев – горе Кирилова, у которого только что умер сын, и тревоге Абогина, у жены которого случился приступ неизвестной болезни. Чтобы передать ощущения героев, Чехов прибегает к различным художественным приемам: высказывания с интонационной характеристикой, детали интерьера, описание мимики, жестов, движений (бесцельное блуждание Кирилова по квартире), деталей интерьера (беспорядок, царящий в квартире Кирилов в связи с тяжелой болезнью сына).

Между первой и второй частями есть эпизод-связка – описание дороги от больницы до имения Абогина. В этом эпизоде ничего нового к психологическому состоянию героев не добавляется. Их переживания концентрируются. Мрачный ночной пейзаж усиливает ощущение горя одного и тревоги другого и подчеркивает их одиночество. Каждый несчастливый человек одинок и глух к чужому несчастью. Этот чрезвычайно важный мотив, намеченный в первой части и усиленный в эпизоде-связке, становится одной из смысловых доминант второй, главной, части рассказа.

Итак, главная коллизия «Врагов» заключена во второй части. Два едва знакомых

и, в общем, безразличных друг к другу человека в течение часа становятся врагами. Резко, почти водевильно, меняется ситуация: оказывается, жена Абогина притворилась больной, чтобы без помех бежать с любовником. Также резко меняется психологическое состояние героев. Кирилов возмущен и оскорблен тем, что в своем горе вовлечен, как ему представляется, в пошлый спектакль. Абогин возмущен и оскорблен предательством горячо любимой жены. С этого момента их отношения стремительно развиваются в сторону взаимной ненависти. Кирилов считает, что он оскорблен Абогиным; Абогин считает себя оскорбленным обвинениями Кирилова. Мотив одиночества в несчастье становится предельно насыщенным и подкрепляется столь редким у Чехова авторским комментарием и оценкой: «Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менее, чем глупцы, способны понимать друг друга».³

Однако особенности психологии несчастных людей являются не единственной причиной взаимной враждебности. В портретах героев во второй части (Кирилов: «Его нечесаная голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде <...> — всё это <...> наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении *жизнью* и людьми». Абогин: «В его осанке <...> и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперед грудь <...>. Даже бледность и детский страх <...> не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура»)⁴, в сопоставлении интерьера квартиры Кирилова и дома Абогина, в манере их поведения отчетливо проступают социальные корни непримиримости.

Таким образом, на основе анализа рассказа можно выделить следующие смысловые доминанты, которые обязательно должны быть представлены в

---

³ Чехов А. П. Сочинения в 18-ти тт. Т. 6, с. 42.

⁴ Чехов А. П. Сочинения в 18-ти тт. Т. 6, с. 38.

адаптированном тексте:

- психологическое состояние героев в первой части;
- изменение психологического состояния героев во второй части рассказа;
- динамика отношений героев во второй части;
- текстовые элементы, указывающие на социальные корни, провоцирующие враждебность героев в сложившейся ситуации;
- авторские комментарии, содержащие указание на психологический мотив взаимного неприятия героев.

Первый этап – трансформация текста.

Ниже приведен полный текст рассказа «Враги», курсивом в скобках выделены исключенные фрагменты текста, полужирным курсивом – мотивы трансформации.

А. П. ЧЕХОВ ВРАГИ (1887)

В десятом часу темного сентябрьского вечера у земского доктора Кирилова скончался от дифтерита его единственный сын, шестилетний Андрей. Когда докторша опустилась на колени перед кроваткой умершего ребенка и ею овладел первый приступ отчаяния, в передней резко прозвучал звонок.

(По случаю дифтерита вся прислуга еще с утра была выслана из дому. -

Исключение нерелевантной детали повествования.)

Кирилов *(как был, без стуртука, в расстегнутой жилетке, не вытирая мокрого лица и рук, обожженных карболкой – исключение деталей портрета, перегруженных специфической лексикой)* пошел *(сам)* отворять дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошел, можно было различить только

(средний рост, белое кашне и) большое, чрезвычайно бледное лицо (такое бледное, что, казалось, от появления этого лица в передней стало светлее... – исключение несущественных деталей портрета и импрессионистической метафоры).

— Доктор у себя? — быстро спросил вошедший.

— Я дома, — ответил Кирилов. — Что вам угодно?

— А, это вы? Очень рад! — обрадовался вошедший *(и стал искать в потемках руку доктора, нашел ее и крепко стиснул в своих руках. – Исключение описания жеста.)* — Очень... очень рад! *(Мы с вами знакомы!- Исключение нерелевантной детали высказывания.)* Я — Абогин... *(имел удовольствие видеть вас летом у Гнучева. - Исключение нерелевантной детали высказывания.)* Очень рад, что застал... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена... *(И экипаж со мной...- Исключение нерелевантной детали высказывания.)*

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбужденном состоянии. *(Точно испуганный пожаром или бешеной собакой, он едва сдерживал свое частое дыхание и говорил быстро, дрожащим голосом, и что-то неподдельно искреннее, детски-малодушное звучало в его речи.- Исключение сравнения и интонационной характеристики высказывания.)* Как все испуганные и ошеломленные, он говорил короткими, отрывистыми фразами и произносил много лишних *(совсем не идущих к делу – исключение идиоматического словосочетания, частично дублирующего семантику предыдущего слова)* слов.

— Я боялся не застать вас, — продолжал он. — Пока ехал к вам, исстрадался душой... Одевайтесь и едемте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, Александр Семенович, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватается за сердце и падает на спинку стула. Мы отнесли ее на кровать и... *(я уж и*

*нашатырным спиртом тер ей виски, и водой брызгал... – **исключение нерелевантных деталей повествования***) лежит, как мертвая... Боюсь, что это аневризма... Поедемте... У нее и отец умер от аневризмы...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

Когда Абогин еще раз упомянул про Папчинского и про отца своей жены (*и еще раз начал искать в потемках руку - **исключение описания жеста***), доктор встряхнул головой и сказал: (*апатично растягивая каждое слово – **исключение интонационной характеристики высказывания.***)

— Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

— Неужели? — прошептал Абогин, делая шаг назад. — Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он, видимо, колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

— Послушайте, — горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, — я отлично понимаю ваше положение! Видит бог, мне стыдно (*что я в такие минуты пытаюсь овладеть вашим вниманием - **исключение устаревшего оборота речи***), но что же мне делать? (*Судите сами, - **исключение устаревшего оборота речи***) К кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

(Наступило молчание. Кирилов повернулся спиной к Абогину, постоял и медленно вышел из передней в залу. Судя по его неверной, машинальной походке, по тому вниманию, с каким он в зале поправил на негоревшей лампе мохнатый абажур и заглянул в толстую книгу, лежащую на столе, в эти минуты у него не было ни намерений, ни желаний, ни о чем он не думал и, вероятно, уже не помнил, что у него в передней стоит чужой человек. Сумерки и тишина залы, по-видимому,

усилили его ошалелость. Идя из залы к себе в кабинет, он поднимал правую ногу выше, чем следует, искал руками дверных косяков, и в это время во всей его фигуре чувствовалось какое-то недоумение, точно он попал в чужую квартиру или же первый раз в жизни напился пьян и теперь с недоумением отдавался своему новому ощущению. По одной стене кабинета, через шкапы с книгами, тянулась широкая полоса света; вместе с тяжелым, спертым запахом карболки и эфира этот свет шел из слегка отворенной двери, ведущей из кабинета в спальню... Доктор опустился в кресло перед столом; минуту он сонливо глядел на свои освещенные книги, потом поднялся и пошел в спальню.

Здесь, в спальне, царил мертвый покой. Всё до последней мелочи красноречиво говорило о недавно пережитой буре, об утомлении, и всё отдыхало. Свечка, стоявшая на табурете в тесной толпе склянок, коробок и баночек, и большая лампа на комодке ярко освещали всю комнату. На кровати, у самого окна, лежал мальчик с открытыми глазами и удивленным выражением лица. Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением всё более темнели и уходили вовнутрь черепа. Положив руки на его туловище и спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать. Подобно мальчику, она не шевелилась, но сколько живого движения чувствовалось в изгибах ее тела и в руках! Припадала она к кровати всем своим существом, с силой и жадностью, как будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую наконец нашла для своего утомленного тела. Одежда, тряпки, тазы, лужи на полу, разбросанные повсюду кисточки и ложки, белая бутылка с известковой водой, самый воздух, удушливый и тяжелый, — всё замерло и казалось погруженным в покой.

Доктор остановился около жены, засунул руки в карманы брюк и, склонив голову набок, устремил взгляд на сына. Лицо его выражало равнодушие, только по росинкам, блестевшим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал.

Тот отталкивающий ужас, о котором думают, когда говорят о смерти, отсутствовал в спальне. Во всеобщем столбняке, в позе матери, в равнодушии докторского лица лежало что-то притягивающее, трогательное сердце, именно та тонкая, едва уловимая красота человеческого горя, которую не скоро еще научатся понимать и описывать и которую умеет передавать, кажется, одна только музыка. Красота чувствовалась и в угрюмой тишине; Кирилов и его жена молчали, не плакали, как будто, кроме тяжести потери, сознавали также и весь лиризм своего положения: как когда-то, в свое время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей! Доктору 44 года, он уже сед и выглядит стариком; его поблекшей и больной жене 35 лет. Андрей был не только единственным, но и последним.

В противоположность своей жене доктор принадлежал к числу натур, которые во время душевной боли чувствуют потребность в движении. Постояв около жены минут пять, он, высоко поднимая правую ногу, из спальни прошел в маленькую комнату, наполовину занятую большим, широким диваном; отсюда прошел в кухню. Поблуждав около печки и кухаркиной постели, он нагнулся и сквозь маленькую дверцу вышел в переднюю.

Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо.

— Наконец-то! — вздохнул Абогин, берясь за ручку двери. — Едемте, пожалуйста!

*Доктор вздрогнул, поглядел на него и вспомнил... - **Исключается фрагмент текста. Этот фрагмент несет значительную смысловую нагрузку. Посредством описания деталей интерьера, движения, жестов, выражения лица доктора Чехов раскрывает его эмоциональное состояние – тяжесть утраты, душевную боль. Вместе с тем фрагмент резко замедляет действие. Основная коллизия – динамика отношений доктора и Абогина - прерывается, что, если иметь в виду особенности читательской аудитории, нежелательно.***

— Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! — сказал он, оживляясь. — Как странно!

— Доктор, я (*не истукан*) отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам! — сказал умоляющим голосом Абогин (*прикладывая к своему кашне руку – исключается описание жеста, иллюстрирующего слова и чувства героя*). — Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели ее лицо, то поняли бы мою настойчивость! (*Боже мой, а уж я думал, что вы пошли одеваться!* – *Исключается предложение, связанное по смыслу с предыдущей исключенной частью.*) Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

— Ехать я не могу! — сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу. Абогин пошел за ним и схватил его за рукав.

— У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, (*не в эксперты*) а спасти жизнь человеческую! — продолжал он умолять, как нищий. — Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

— Человеколюбие, (*— палка о двух концах!* – *Исключается идиома, трудная для объяснения иностранным учащимся.*) — раздраженно сказал Кирилов. — Во имя того же человеколюбия я прошу вас не увозить меня. И как странно, ей-богу! Я едва на ногах стою, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен... не поеду ни за что, да и на кого я жену оставляю? Нет, нет...

Кирилов замахал кистями рук и попятился назад.

— И... и не просите! — продолжал он испуганно. — Извините меня... По (*XIII тому законов – исключение устаревшей страноведческой информации*) закону (*замена грамматической формы в соответствии с изменением структуры предложения в результате исключения словосочетания*) я обязан ехать (*и вы имеете право тащить меня за шиворот... Извольте, тащите – исключается*

идиома, трудная для объяснения иностранным учащимся), но... я не годен...

Даже говорить не в состоянии... Извините...

— Напрасно, доктор, вы говорите со мной таким тоном! — *(сказал Абогин, опять беря доктора за рукав. — Бог с ним, с XIII томом! — Исключается описание жеста и устаревшая страноведческая информация.)* Насиловать вашей воли я не имею никакого права. Хотите — поезжайте, не хотите — бог с вами, но я не к волей вашей обращаюсь, а к чувству. Умирает молодая женщина! Сейчас, вы говорите, у вас умер сын, кому же, как не вам, понять мой ужас?

(Голос Абогина дрожал от волнения; в этой дрожи и в тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах. Абогин был искренен, но замечательно, какие бы фразы он ни говорил, все они выходили у него ходульными, бездушными, неуместно цветистыми и как будто даже оскорбляли и воздух докторской квартиры и умирающую где-то женщину. Он и сам это чувствовал, а потому, боясь быть непонятым, изо всех сил старался придать своему голосу мягкость и нежность, чтобы взять если не словами, то хотя бы искренностью тона. Вообще фраза, как бы она ни была красива и глубока, действует только на равнодушных, но не всегда может удовлетворить тех, кто счастлив или несчастлив; потому-то высшим выражением счастья или несчастья является чаще всего безмолвие; влюбленные понимают друг друга лучше, когда молчат, а горячая, страстная речь, сказанная на могиле, трогает только посторонних, вдове же и детям умершего кажется она холодной и ничтожной. — Исключается фрагмент, ослабляющий динамику сюжета. На самом деле этот фрагмент чрезвычайно важен, особенно его вторая часть, начиная со слов «Вообще фраза...». Здесь выражен авторский взгляд на то, как слова одного человека воспринимаются другим в зависимости от его душевного состояния. Мы с сожалением исключаем этот фрагмент лишь потому, что считаем его сложным для восприятия студентов,

у которых еще недостаточно развит навык чтения художественных произведений.)

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал еще несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и проч., доктор спросил угрюмо:

— Далеко ехать?

— Что-то около 13—14 верст. *(У меня отличные лошади, доктор! - **Исключение нерелевантной детали высказывания.**)* Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час. Только один час!

Последние слова подействовали на доктора сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал со вздохом:

— Хорошо, едемте!

*(Он быстро, уже верною походкой пошел к своему кабинету и немного погодя вернулся в длинном сюртуке. Мелко семеня возле него и шаркая ногами, обрадованный Абогин помог ему надеть пальто и вместе с ним вышел из дома.- **Исключение описания походки и движений героев.**)*

(На дворе было темно, но светлее, чем в передней. В темноте уже ясно вырисовывалась высокая сутуловатая фигура доктора с длинной, узкой бородой и с орлиным носом. У Абогина, кроме бледного лица, теперь видна была его большая голова и маленькая, студенческая шапочка, едва прикрывавшая темя. Кашне белело только спереди, позади же оно пряталось за длинными волосами.

— Верьте, я сумею оценить ваше великодушие, — бормотал Абогин, подсаживая доктора в коляску. — Мы живо домчимся. Ты же, Лука, голубчик, поезжай как можно скорее! Пожалуйста!

Кучер ехал быстро. Сначала тянулся ряд невзрачных построек, стоявших вдоль больничного двора; всюду было темно, только в глубине двора из чьего-то окна, сквозь палисадник, пробивался яркий свет, да три окна верхнего этажа

*больничного корпуса казались бледнее воздуха. Затем коляска въехала в густые потемки; тут пахло грибной сыростью и слышался шёпот деревьев; вороны, разбуженные шумом колес, закопошились в листве и подняли тревожный жалобный крик, как будто знали, что у доктора умер сын, а у Абогина больна жена. Но вот замелькали отдельные деревья, кустарник; сверкнул угрюмо пруд, на котором спали большие черные тени, — и коляска покатила по гладкой равнине. Крик ворон слышался уже глухо, далеко сзади и скоро совсем умолк.— **Исключение портрета и описания дороги в имение Абогина.)***

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин глубоко вздохнул и пробормотал:

— Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

(И когда коляска тихо переезжала реку, Кирилов вдруг встрепенулся, точно его испугал плеск воды, и задвигался.

— *Послушайте, отпустите меня, — сказал он тоскливо. — Я к вам потом приеду. Мне бы только фельдшера к жене послать. Ведь она одна!*

Абогин молчал. Коляска, покачиваясь и стуча о камни, проехала песочный берег и покатила далее. Кирилов заметался в тоске и поглядел вокруг себя. Позади, сквозь скудный свет звезд, видна была дорога и исчезавшие в потемках прибрежные ивы. Направо лежала равнина, такая же ровная и безграничная, как небо; далеко на ней там и сям, вероятно, на торфяных болотах, горели тусклые огоньки. Налево, параллельно дороге, тянулся холм, кудрявый от мелкого кустарника, а над холмом неподвижно стоял большой полумесяц, красный, слегка подернутый туманом и окруженный мелкими облачками, которые, казалось, оглядывали его со всех сторон и стерегли, чтобы он не ушел.

*Во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля, как падшая женщина, которая одна сидит в темной комнате и старается не думать о прошлом, томилась воспоминаниями о весне и лете и апатично ожидала неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась темной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину, ни красному полумесяцу... – **Исключение описания дороги в имение Абогина, замедляющее развитие действия.**)*

Чем ближе к цели была коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался (*через плечо кучера*) вперед. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца, (*красиво задрапированного полосатой холстиной*), и когда он поглядел на освещенные окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

— Если что случится, то... я не переживу, — сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. — Но не слышно суматохи, значит, пока еще благополучно, — прибавил он, вслушиваясь в тишину.

(В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение. Теперь уж доктор и Абогин, бывшие до сего времени в потемках, могли разглядеть друг друга. Доктор был высок, сутуловат, одет неряшливо и лицо имел некрасивое. Что-то неприятно резкое, неласковое и суровое выражали его толстые, как у негра, губы, орлиный нос и вялый, равнодушный взгляд. Его нечесаная голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде, сквозь которую просвечивал подбородок, бледно-серый цвет кожи и небрежные, угловатые манеры — всё это своею черствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, чтобы у этого человека была жена, чтобы он мог плакать о ребенке. Абогин же изображал из себя нечто другое. Это был плотный;

солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно, по самой последней моде. В его осанке, в плотно застегнутом сюртуке, в гриве и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперед грудь, говорил приятным баритоном, и в манерах, с какими он снимал свое кашне или поправлял волосы на голове, сквозило тонкое, почти женское изящество. Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не портили его осанки и не умаляли сытости, здоровья и апломба, какими дышала вся его фигура.

— Никого нет и ничего не слышно, — сказал он, идя по лестнице. — Суматохи нет.

Дай-то бог! – Исключение фрагмента текста. Этот фрагмент также содержательно важен, в нем даны построенные на антитезе портреты героев, однако, оба литературных портрета трудны для восприятия студентами, с точки зрения языка – лексического состава и синтаксических конструкций.)

Он провел доктора (через переднюю) в большую залу, где темнел черный рояль и висела люстра в белом чехле; отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную, полную приятного розового полумрака.

— Ну, посидите тут, доктор, — сказал Абогин, — а я... сейчас. Я пойду погляжу и предупреджу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, имевшее характер приключения, по видимому, не трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои (обожженные карболкой) руки. (Только мельком увидел он ярко-красный абажур, футляр от виолончели, да, покосившись в ту сторону, где тикали часы, он заметил чучело волка, такого же солидного и сытого, как сам Абогин. – **Исключение деталей интерьера.**)

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнес «а!» (*прозвенела стеклянная дверь, вероятно, шкапа – исключение описания звука*) и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин. (*но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло на нем, - исключение небольшого фрагмента, значение которого частично передается в следующем*) Лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли. (*Его нос, губы, усы, все черты двигались и, казалось, старались оторваться от лица, глаза же как будто смеялись от боли... – исключение импрессионистического портрета.*)

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

— Обманула! — крикнул он, сильно напирая на слог *ну*. — Обманула! Ушла! Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским! Боже мой!

Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить:

— Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! Боже мой! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей сделал? Ушла!

Слезы брызнули у него из глаз. Он перевернулся на одной ноге и зашагал по гостиной. (*Теперь в своем коротком сюртуке, в модных узких брюках, в которых ноги казались не по корпусу тонкими, со своей большой головой и гривой он чрезвычайно походил на льва.- Исключение портрета.*) На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и оглядел Абогина.

— Позвольте, где же больная? — спросил он.

— Больная! Больная! — крикнул Абогин, смеясь, плача и всё еще потрясая кулаками. — Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость! (*гаже чего не придумал бы, кажется, сам сатана!* - **Исключение выражения, эмоциональный смысл которого уже передан выше.**) Услала затем, чтобы бежать, бежать. (с шутом, тупым клоуном, альфонсом!) О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

— Позвольте, как же это? — спросил он, с любопытством оглядываясь. — У меня умер ребенок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии! (*играть роль бутафорской вещи!*) Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на нее, как на насекомое, которое хочется раздавить.

— И я не видел... не понимал! — говорил он сквозь сжатые зубы, (*потрясая около своего лица одним кулаком и с таким выражением, как будто ему наступили на мозоль.* - **Исключение описания мимики и жеста.**) — Я не замечал, что он ездит каждый день... (*не заметил, что он сегодня приехал в карете! Зачем в карете? И я не видел! Колпак!* - **Исключение нерелевантных деталей высказывания.**)

— Не... не понимаю! — бормотал доктор. — Ведь это что же такое! Ведь это глумление над личностью, издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... первый раз в жизни вижу!

С тупым удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развел руками и, не зная, что говорить, что делать, (*в изнеможении*) опустился в кресло.

— Ну, разлюбила, полюбила другого — бог с тобой, но к чему же обман? (*к чему этот подлый, изменнический фортель? - **Исключение выражения, эмоциональный смысл которого передан выше.***) — говорил плачущим голосом Абогин. — К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, — горячо сказал он, подходя к Кирилову. — Вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил набожно, как раб! Для нее я пожертвовал всем: поссорился с родней, бросил службу и музыку, прощал ей то, чего не сумел бы простить матери или сестре... Ни разу я не поглядел на нее косо... не подавал никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачем этот гнусный обман? Не любишь, так скажи прямо, честно, тем более, что знаешь мои взгляды на этот счет...

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу. Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что наконец эти тайны вырвались наружу из его груди. Поговори он таким образом час, другой, вылей свою душу, и, несомненно, ему стало бы легче. Кто знает, послушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это часто случается, примирился бы со своим горем без протеста, не делая ненужных глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогин говорил, оскорбленный доктор заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступили место выражению горькой обиды, негодования и гнева. Черты лица его стали еще резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднес к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

— Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнул он и стукнул кулаком по столу. — Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорблен? Что я лакей, которого (*до конца*) можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумленно уставился на него.

— Зачем вы меня сюда привезли? — продолжал доктор, тряся бородой. — Если вы (*с жиру женитесь, с жиру беситесь и – исключается труднообъяснимая идиома*) разыгрываете мелодрамы, то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! (*Упражняйтесь в благородном кулачестве, рисуйте гуманными идеями, играйте (доктор покосился на футляр с виолончелью) — играйте на контрабасах и тромбонах, жирейте, как каплуны, но – исключается предложение, сложное для понимания студентам и требующее длительного комментария.*) Не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!

— Позвольте, что это всё значит? — спросил Абогин, краснея.

— А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями (*и моветонами*), ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, (*бутафорскую*) вещь!

— Как вы смеете говорить мне это? — спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже ясно от гнева.

— Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? — крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. — Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

— Вы с ума сошли! — крикнул Абогин. — Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив, — презрительно ухмыльнулся доктор. — Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопаи, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь! — взвизгнул Абогин. — За такие слова... бьют! Понимаете?

Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

— Вот вам за ваш визит! — сказал он, шевеля ноздрями. — Вам заплачено!

— Не смеете вы предлагать мне деньги! — крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. — За оскорбление деньгами не платят!

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни (*даже в бреду*,) они не сказали столько несправедливого, жестокого и нелепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных. Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менее, чем глупцы, способны понимать друг друга. Не соединяет, а разъединяет людей несчастье, и даже там, где, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, проделывается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чем в среде сравнительно довольной.

— Извольте отправить меня домой! — крикнул доктор, задыхаясь.

Абогин резко позвонил. (*Когда на его зов никто не явился, он еще раз позвонил и сердито швырнул колокольчик на пол; тот глухо ударился о ковер и издал жалобный, точно предсмертный стон.* — **Исключается предложение, нерелевантное в смысловом отношении.**) Явился лакей.

(— Где вы спрятались, чёрт бы вас взял?! — набросился на него хозяин, сжимая кулаки. — Где ты был сейчас? Пошел, — **исключается фрагмент, нерелевантный в**

смысловом отношении.) Скажи, чтобы этому господину подали коляску. *(а для меня вели заложить карету! Постой! - крикнул он, когда лакей повернулся уходить. — Завтра чтоб ни одного предателя не оставалось в доме! Все вон! Нанимаю новых! Гадины! - Исключается фрагмент, нерелевантный с точки зрения основной коллизии.)*

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому уже вернулись и выражение сытости и тонкое изящество. *(Он шагал по гостиной, изящно встряхивал головой и, очевидно, что-то замыслил. — Исключается описание движения и жеста.)* Гнев его еще не остыл, но он старался показывать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держался одной рукой о край стола и глядел на Абогина с тем глубоким, несколько циничным и некрасивым презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолье, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда немного погодя доктор сел в коляску и поехал, глаза его всё еще продолжали глядеть презрительно. *(Было темно, гораздо темнее, чем час тому назад. Красный полумесяц уже ушел за холм, и сторожившие его тучи темными пятнами лежали около звезд. Карета с красными огнями застучала по дороге и перегнала доктора. Это ехал Абогин протестовать, делать глупости... - Исключается фрагмент, нерелевантный с точки зрения основной коллизии.)*

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Мысли его были несправедливы и нечеловечно жестоки. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдет время, пройдет и горе Кирилова, но это убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца, не пройдет и останется в уме доктора до самой могилы.

Проанализируем характер трансформаций текста оригинала. Как декларировалось выше, основным приемом трансформации являлось *исключение*, которое значительно варьировалось по объему и содержанию. Объем исключенных текстовых единиц колебался от слова до нескольких абзацев. Для удобства описания и систематизации содержательной стороны исключений разделим их по объему на две группы: I. исключения в рамках предложения (слова, словосочетания, предложение) и II. исключения-фрагменты, где под «фрагментом» понимается любой отрезок текста, равный двум и более предложениям.⁵

1. В рамках предложения исключались две основные группы текстовых единиц, затрудняющих понимание текста:

1) с точки зрения языка:

- устаревшее страноведческое понятие, не несущее смысловой нагрузки
- устаревшие обороты речи
- некоторые трудные для понимания идиомы
- некоторые трудные для понимания иносказания (метафоры, сравнения);

2) с точки зрения структуры произведения:

- некоторые трудные для понимания описательные элементы текста: а) мимика, жест, движение, походка; б) портрет либо детали портрета; в) детали интерьера
- детали повествования или высказывания, нерелевантные в смысловом отношении

---

⁵ Мы отдаем себе отчет в том, что предложенное деление носит формальный характер и нуждается в доработке с учетом содержательной стороны исключенной текстовой единицы.

- высказывания героев, эмоциональный смысл которых уже передан выше, а также авторская характеристика интонации высказывания.

П. Исключалось два основных типа фрагментов:

1. небольшие по объему (2-3 предложения) фрагменты, нерелевантные в смысловом отношении либо частично дублирующие информацию, содержащуюся в предшествующем или последующем отрезках текста.
2. значительные фрагменты текста (до 7 абзацев), несущие важную смысловую нагрузку, но ослабляющие динамику сюжета и содержащие большой массив незнакомой лексики, требующей продолжительной семантизации. Мы с сожалением исключали подобные фрагменты лишь потому, что считаем их сложными для восприятия студентов в связи с уровнем их языковой и читательской компетенции.

Второй этап – комментирование.

В *страноведческом* комментарии объясняется значение исторических реалий *земский врач* и *помещик*, поскольку они входят в одну из смысловых доминант текста – социальные корни вражды и в определенной степени определяют развитие сюжетной ситуации.

Страноведческий комментарий

Одним из героев рассказа является *земский врач*. Жизнь земского врача в России второй половины XIX – начала XX века была нелегка. Как правило, земские врачи служили в провинции и получали относительно небольшое жалованье (зарплату) от местных властей. В их обязанности входило оказание

медицинской помощи любому жителю закрепленного за ним участка как на приеме в больнице, так и, при необходимости, по вызову пациента. На каждого врача приходилось 10-15 тысяч человек; иногда деревни, где жили пациенты, находились на расстоянии 30-35 километров от земской больницы. В любое время суток врач был обязан оказать медицинскую помощь – это был его служебный и профессиональный долг.

Другой герой рассказа – *помещик*, владелец имения. *Имение* – это земля со всеми постройками и природными ресурсами, которая принадлежала помещику. Обычно помещики были достаточно состоятельными людьми и могли позволить себе нигде не работать и жить в свое удовольствие.

В *литературоведческом* комментарии в общих чертах обрисована сюжетная ситуация и указаны фрагменты текста, требующие углубленного прочтения.

Литературоведческий комментарий

В жизни двух героев рассказа земского врача Кирилова и помещика Абогина произошло несчастье. У одного умер сын, другого обманула и бросила жена. Разумеется, эти несчастья несопоставимы по тяжести утраты, но каждый из героев переживает свою потерю чрезвычайно болезненно.

В течение немногим более часа эти два незнакомых, не злых, вполне обычных человека становятся врагами. Чехов показывает динамику их чувств и отношений, именно этому надо уделить основное внимание при чтении рассказа. А затем надо задать себе вопрос: «Почему это произошло? Почему они стали врагами?» В рассказе есть прямой авторский комментарий развития событий, оценка поведения героев. Внимательное, вдумчивое чтение этих отрывков позволит понять позицию автора, его отношение к изображаемой ситуации, поможет ответить на поставленные вопросы.

Ниже приведен адаптированный вариант текста с притекстовыми комментариями.

А. П. Чехов Враги

(адаптированный вариант)

В десятом часу темного сентябрьского вечера у земского доктора Кирилова скончался от дифтерита⁶ его единственный сын, шестилетний Андрей. Когда докторша опустилась на колени перед кроваткой умершего ребенка и ею овладел первый приступ отчаяния, резко прозвучал звонок в дверь.

Кирилов пошел открывать дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошел, можно было различить только большое, чрезвычайно бледное лицо.

— Доктор у себя? — быстро спросил вошедший.

— Я дома, — ответил Кирилов. — Что вам угодно?⁷

— А, это вы? Очень рад! — обрадовался вошедший. — Очень... очень рад! Я — Абогин... Очень рад, что застал... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена...

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбужденном состоянии. Как все испуганные и ошеломленные, он говорил короткими, отрывистыми фразами и произносил много лишних слов.

— Я боялся не застать вас, — продолжал он. — Пока ехал к вам, исстрадался душой... Одевайтесь и едемте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, Александр Семенович, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватается за

---

⁶ дифтерит – название болезни

⁷ Что вам угодно? (устар.) – Что вам нужно? Что вы хотите?

сердце и падает на спинку стула. Мы отнесли ее на кровать и... лежит, как мертвая... Боюсь, что это аневризма⁸... Поедемте... У нее и отец умер от аневризмы...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

Когда Абогин еще раз упомянул про Папчинского и про отца своей жены, доктор встряхнул головой и сказал:

— Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

— Неужели? — прошептал Абогин, делая шаг назад. — Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он, видимо, колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

— Послушайте, — горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, — я отлично понимаю ваше положение! Видит бог, мне стыдно, но что же мне делать? К кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

— Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! — сказал он, оживляясь. — Как странно!

— Доктор, я отлично понимаю ваше положение... сочувствую вам! — сказал умоляющим голосом Абогин — Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели ее лицо, то поняли бы мою настойчивость! Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

— Ехать я не могу! — сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу.

Абогин пошел за ним и схватил его за рукав.

---

⁸ аневризма - заболевание (род патологии, которая может привести к смерти)

— У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю я вас не зубы лечить, а спасти жизнь человеческую! — продолжал он умолять, как нищий. — Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

— Человеколюбие, — раздраженно сказал Кирилов. — Во имя того же человеколюбия я прошу вас не увозить меня. И как странно, ей-богу! Я едва на ногах стою⁹, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен¹⁰... не поеду ни за что, да и на кого я жену оставляю? Нет, нет...

Кирилов замахал кистями рук и попятился назад.

— И... и не просите! — продолжал он испуганно. — Извините меня... По закону я обязан ехать,¹¹ но... я не годен... Даже говорить не в состоянии... Извините...

— Напрасно, доктор, вы говорите со мной таким тоном! — Насиловать вашей воли¹² я не имею никакого права. Хотите — поезжайте, не хотите — бог с вами,¹³ но я не к волей вашей обращаюсь, а к чувству. Умирает молодая женщина! Сейчас, вы говорите, у вас умер сын, кому же, как не вам, понять мой ужас?

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал еще несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и проч., доктор спросил угрюмо:

— Далеко ехать?

— Что-то около 13—14 верст. Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час. Только один час!

Последние слова подействовали на доктора сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал со вздохом:

— Хорошо, едемте!

---

⁹ Я едва на ногах стою. — Я очень устал.

¹⁰ Никуда я сейчас не годен. — Я не могу (не в состоянии) ничего делать.

¹¹ По закону я обязан ехать. — По закону врач не имел права никому отказать в медицинской помощи независимо от времени суток.

¹² насиловать волю — заставлять человека что-либо делать против его желания

¹³ не хотите — бог с вами — Если вы не хотите ехать, оставайтесь, я не настаиваю.

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин глубоко вздохнул и пробормотал:

— Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

Чем ближе к цели была коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался вперед. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца и когда он поглядел на освещенные окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

— Если что случится, то... я не переживу, — сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. — Но не слышно суматохи,¹⁴ значит, пока еще благополучно, — прибавил он, вслушиваясь в тишину.

Он провел доктора (через переднюю) в большую залу, где темнел черный рояль и висела люстра в белом чехле; отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную, полную приятного розового полумрака.

— Ну, посидите тут, доктор, — сказал Абогин, — а я... сейчас. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, имевшее характер приключения, по-видимому, не трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои руки.

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнес «а»! и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин. Лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли.

---

¹⁴ Не слышно суматохи. – Все тихо, спокойно.

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

— Обманула! — крикнул он, сильно напирая на слог *ну*. — Обманула! Ушла! Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутком Папчинским! Боже мой!

Абогин тяжело шагнул к доктору, протянул к его лицу свои белые мягкие кулаки и, потрясая ими, продолжал вопить:

— Ушла!! Обманула! Ну, к чему же эта ложь?! Боже мой! Боже мой! К чему этот грязный, шулерский фокус, эта дьявольская, змеиная игра? Что я ей сделал? Ушла! Слезы брызнули у него из глаз. Он перевернулся на одной ноге и зашагал по гостиной. На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и оглядел Абогина.

— Позвольте, где же больная? — спросил он.

— Больная! Больная! — крикнул Абогин, смеясь, плача и всё еще потрясая кулаками. — Это не больная, а проклятая! Низость! Подлость! Услала затем, чтобы бежать, бежать. О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

— Позвольте, как же это? — спросил он, с любопытством оглядываясь. — У меня умер ребенок, жена в тоске, одна на весь дом... сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Меня заставляют играть в какой-то пошлой комедии! Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на нее, как на насекомое, которое хочется раздавить.

— И я не видел... не понимал! — говорил он сквозь сжатые зубы. — Я не замечал, что он ездит каждый день...

— Не... не понимаю! — бормотал доктор. — Ведь это что же такое! Ведь это глумление над личностью, издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... первый раз в жизни вижу!

С тупым удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развел руками и, не зная, что говорить, что делать, опустился в кресло.

— Ну, разлюбила, полюбила другого — бог с тобой, но к чему же обман? — говорил плачущим голосом Абогин. — К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, — горячо сказал он, подходя к Кирилову. — Вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил набожно, как раб! Для нее я пожертвовал всем: поссорился с родней, бросил службу и музыку, прощал ей то, чего не сумел бы простить матери или сестре... Ни разу я не поглядел на нее косо... не подавал никакого повода! За что же эта ложь? Я не требую любви, но зачем этот гнусный обман? Не любишь, так скажи прямо, честно, тем более, что знаешь мои взгляды на этот счет...

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу.¹⁵ Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны¹⁶ без малейшего колебания и как будто даже рад был, что наконец эти тайны вырвались наружу из его груди. Поговори он таким образом час, другой, вылей свою душу,¹⁷ и, несомненно, ему стало бы легче. Кто знает, выслушай его доктор, посочувствуй ему дружески, быть может, он, как это

---

¹⁵ Изливать душу – искренне говорить о своих самых глубоких и сильных чувствах

¹⁶ разоблачать семейные тайны – Здесь: рассказывать об отношениях я женой

¹⁷ «Поговори», «вылей свою душу» и далее в следующем предложении: «выслушай», «посочувствуй» - формы императива в значении «если бы», т.е., если бы Абогин рассказал о своих отношениях с женой, если бы доктор выслушал его, посочувствовал ему, то, возможно, события и отношения между героями развивались бы по-другому.

часто случается, примирился бы со своим горем без протеста, не делая ненужных глупостей... Но случилось иначе. Пока Абогин говорил, оскорбленный доктор заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступили место выражению горькой обиды, негодования и гнева. Черты лица его стали еще резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднес к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным, как у монашенки, лицом и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово: — Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! — крикнул он и стукнул кулаком по столу. — Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я еще недостаточно оскорблен? Что я лакей,¹⁸ которого (*до конца*) можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумленно уставился на него.

— Зачем вы меня сюда привезли? — продолжал доктор, тряся бородой. — Если вы разыгрываете мелодрамы,¹⁹ то при чем тут я? Что у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать ее, так хоть избавьте ее от вашего внимания!

— Позвольте, что это всё значит? — спросил Абогин, краснея.

— А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих, от которых не пахнет духами и проституцией, своими лакеями, ну и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, вещь!

— Как вы смеете говорить мне это? — спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже ясно от гнева.

---

¹⁸ лакей - слуга. Здесь: Кирилов считает, что Абогин относится к нему как к человеку, занимающему низкое положение в обществе.

¹⁹ Мелодрама – перен.: выражение чувств, вызывающих раздражение своей неестественностью.

— Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? — крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. — Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

— Вы с ума сошли! — крикнул Абогин. — Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

— Несчастлив, — презрительно ухмыльнулся доктор. — Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Шалопай, которые не находят денег под вексель, тоже называют себя несчастными. Каплун, которого давит лишний жир, тоже несчастлив. Ничтожные люди!

— Милостивый государь, вы забываетесь! — взвизгнул Абогин. — За такие слова... бьют! Понимаете?

Абогин торопливо полез к боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

— Вот вам за ваш визит! — сказал он, шевеля ноздрями. — Вам заплачено!

— Не смеете вы предлагать мне деньги! — крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. — За оскорбление деньгами не платят!

Абогин и доктор стояли лицом к лицу и в гневе продолжали наносить друг другу незаслуженные оскорбления. Кажется, никогда в жизни они не сказали столько несправедливого, жестокого и нелепого. В обоих сильно сказался эгоизм несчастных. Несчастные эгоистичны, злы, несправедливы, жестоки и менее, чем глупцы, способны понимать друг друга. Не соединяет, а разъединяет людей несчастье, и даже там, где, казалось бы, люди должны быть связаны однородностью горя, прodelьвается гораздо больше несправедливостей и жестокостей, чем в среде сравнительно довольной.

— Извольте отправить меня домой! — крикнул доктор, задыхаясь.

Абогин резко позвонил. Явился лакей.

— Скажи, чтобы этому господину подали коляску.

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому уже вернулись и выражение сытости и тонкое изящество. Гнев его еще не остыл, но он старался показывать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держался одной рукой о край стола и глядел на Абогина с тем глубоким, несколько циничным и некрасивым презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолье, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда немного погодя доктор сел в коляску и поехал, глаза его всё еще продолжали глядеть презрительно.

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Мысли его были несправедливы и нечеловечно жестоки. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдет время, пройдет и горе Кирилова, но это убеждение, несправедливое, недостойное человеческого сердца, не пройдет и останется в уме доктора до самой могилы.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Мы понимаем, что предложенный вариант адаптации чеховского рассказа может быть скорректирован, улучшен. Любые результаты гуманитарных изысканий неоднозначны – такова природа гуманитарных наук. Но нам хотелось заострить внимание на важности проблемы адаптации, обобщив свой многолетний опыт работы и продемонстрировав на конкретном примере этот сложный процесс.

Литература

Вейзе А. А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. - М.:

Высшая школа, 1985. – 127 с.

Чехов А. П. Сочинения в 18 тт. – М.: «Наука», 1976. Т. 6, с. 30-43.